

ЛИНГВОЭСТЕТИКА В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГУМАНИТАРНОЙ СЛОЖНОСТИ

THE LINGVOESTETIKS IN THE CONTEXT OF THE HUMANITARIAN COMPLEXITY

Статья опубликована в журнале: Грани. – 2015. – № 11/2 (127). – С.6-11.

Авторское резюме. В статье предпринят философский анализ монографии В.В. Фещенко и О.В. Коваля «Сотворение знака. Очерки по лингвоэстетике и семиотике искусства». Особый интерес к этому тексту обусловлен тем, что рассматриваемые в нем проблемы тесно связаны с темой гуманитарной сложности, которая в последнее время развивается автором данной публикации. В статье представлены четыре различных ракурса анализа исследуемого текста: ракурс гибридизации, выявления новой парадигмальной установки, эстетизации, гуманитарной сложности.

Ракурс гибридизации направлен на обнаружение новых идей, предложенных авторами, связанных с освоением процессов гибридизации. Анализируются представления А.Белого о «внутренних формах», играющих принципиальную роль в формировании различного рода лингвогибридов. Сам термин лингвоэстетика рассматривается как терминологический гибрид.

Формулируется вывод о том, что идеи и подходы, развиваемые в монографии, свидетельствуют о формировании новой парадигмальной установки. Лингвоэстетика развивает постструктуралистские традиции, однако их соединение (гибридизация) с русской философией языка ведет к обнаружению существенных парадигмальных сдвигов, связанных с необходимостью освоения принципиально иной – гуманитарной сложности.

Гуманитарная сложность, с учетом результатов лингвоэстетического анализа, понимается как повышенное внимание к словотворчеству, креативным преобразованиям на уровне отдельных слов, возникающих в результате лингвального освоения различных эстетических форм.

Ключевые слова: лингвоэстетика, сложность, гуманитарная сложность, гибридизация, эстетика, новая парадигма

Abstract. The philosophical analysis of the monograph of V.V. Feshchenko and O.V.Koval "Creation of the sign. Essays on lingvoestetiks and semiotics of art" was carried out in the article. The particular interest to this text due to the fact that it considered the problem closely related to the theme of the humanitarian complexity, which have recently developed by the author of this publication. The article presents four different angles of analysis of the investigated text. The first one is the angle of hybridization to identify. The second one is a new paradigm installation. The third - aesthetization and the forth – the humanitarian complexity.

The angle of hybridization is aimed at finding new ideas proposed by the authors associated with the development process of hybridization. The A. Bely's ideas of "internal forms", which plays a fundamental role in the formation of various kinds of linguistic hybrid analyzed in this article. The term of lingvoaesthetic is seen as a terminological hybrid

The conclusion that the ideas and approaches developed in the monograph, indicate the formation of a new paradigm installation formed by the author. The lingvoaesthetic develops the poststructuralist tradition. The connection (hybridization) of these traditions with Russian philosophy of language leads to the discovery of significant paradigm shift. These paradigm shifts are related to the need to develop a fundamentally different complexity - the humanitarian complexity.

Humanitarian complexity, taking into account the lingvoaesthetic analysis, understood as increased attention to the word creation, creative transformation at the level of individual words, resulting lingual development of a variety of aesthetic forms.

Key words: lingvoaesthetic, complexity, humanitarian complexity, hybridization, aesthetics, new paradigm.

Постановка проблемы. Представления о гуманитарной сложности возникли в связи с широким обсуждением в рамках философии науки ситуации возрастающей сложности окружающего мира, междисциплинарности, конвергентных тенденций в науке. В современных исследованиях сложность традиционно осваивают с помощью методов, наработанных в синергетике, теории открытых нелинейных диссипативных систем, теории аутопоэзиса. При этом главная проблема заключается в том, что методология изучения сложного формировалась в ходе анализа сложных физических, химических, биологических систем, в то время как современная сложность обнаруживается в системах социокультурных. Естественно, что появление нового типа сложных объектов требует развития соответствующих методов.

Анализ научных исследований. Развитие представлений о гуманитарной сложности связано с необходимостью одновременной актуализации нескольких исследовательских направлений.

В первую очередь, это философские рефлексии по поводу *теорий сложности*, осуществляемые уже более двадцати лет группой российско-украинских философов, активно способствовавших становлению и прояснению синергетической парадигмы (С.П.Курдюмов, Е.Князева, В.И.Аршинов, И.С.Добронравова, Л.Д.Бевзенко, В.Г.Буданов, М.С.Дмитриева и многие другие). Эти исследования осуществлялись с учетом существующих философских рецепций идей И.Р.Пригожина, Г.Хакена, Э.Морена.

Совершенно особым образом гуманитарная сложность осваивалась в творчестве Ж.Делеза, Ф.Гваттари, М.Фуко (в этот ряд, несомненно, следует добавить имена Ж.Дерида, Ж.Лакана, Ю.Кристовой и многих других мыслителей, формировавших, как сейчас принято говорить, постструктуралистскую философскую традицию). Если использовать терминологию Ж.Делеза, то речь идет, в первую очередь, о философах, активно развивавших линию *философского эмпиризма*.

Совершенно уникальным интеллектуальным ресурсом, для развития идей гуманитарной сложности видится русская традиция *философии языка*, которая представлена в работах таких философов, как Г.Сковорода, П.Флоренский, А.Ф.Лосев, А.Потебня, Г.Г.Шпет, А.Белый,.. К этому ряду справедливым видится добавление имени основателя российской семиотической школы Ю.С.Степанова, учениками и последователями которого себя и называют В.В.Фещенко и О.В.Коваль.

Представления о гуманитарной сложности в самых различных ракурсах развивались автором этого текста в серии публикаций, которые в настоящее время готовятся к печати: «Гуманитарная сложность в контексте ближайших категориальных понятий», «Многомерный терминологический анализ: развитие методологии современной гуманитаристики», «Выявление *терминологических гнезд* как один из методов современной гуманитаристики», «Информопластика: потенциал нового терминологического конструкта», «СЛОВО и его ипостаси».

Цель статьи – на основании анализа формируемых В.В.Ковалем и О.В.Фещенко представлений о лингвоэстетике зафиксировать основные черты гуманитарной сложности лингвального типа и выявить особенности новой парадигмальной установки, формирующейся в современной гуманитаристике.

Изложение основного материала. Ракурс гибридизации

Слово *гибридизация* имеет прямое отношение к анализируемому тексту, ибо сам термин *лингвоэстетика* по своей природе является *гибридом*. У всех тех, кто впервые пытается продумать это мудреное, но красивое словосочетание сразу возникают вопросы:

можно ли соединить в одном слове настолько различные по своей природе начала: *лингвистику* и *эстетику*? Или: чего следует ожидать от подобного словообразования?

Сама модель междисциплинарных совмещений хорошо знакома и имеет значительную историю. Достаточно вспомнить: биофизику, физическую химию, социальную психологию и многие другие варианты дисциплинарных гибридизаций. Интересно то, что все эти дисциплинарные сцепления можно рассматривать как проявления тенденций, обнаруживаемых на уровне существования фундаментальных принципов.

Появление междисциплинарных гибридов является очевидной иллюстрацией культурной активности *принципа дополнительности* Н.Бора. Действительно, в гибридных образованиях ни один из элементов пары не является доминирующим, оба дополняют друг друга. Более того, это своеобразное дополнение, *продолженное во времени*, как бы находится в непрерывном поиске третьего проясняющего элемента, который лишь предчувствуется в существовании гибрида.

Обращение к *принципу дополнительности* оказывается фундаментальным мировоззренческим смещением, знаменующим переход от классической к неклассической парадигме. Выбор принципа дополнительности затеняет, переводит на второй план *принцип бинаризма*, с его бинарными оппозициями, культурой дихотомий, воинствующих противостояний. В рамках принципа дополнительности не возникает необходимости осуществлять немедленные синтезы двух соотносимых начал, либо – исключать одно из них. Эти соотношения призваны поддерживать определенное интеллектуальное напряжение, смещение.

Интересна точка зрения авторов, по поводу определения потенциальных возможностей вводимого ими лингвогибрида. Предметом лингвоэстетики они видят «творческую мысль поэта, живописца, философа, музыканта, поскольку она совершается и завершается в логосе» [2, с.10]. Однако обозначенный таким образом предмет оказывается чрезвычайно широким, в первую очередь, по причине того, что сложности возникают с определением самой *мысли*. Здесь сложно обойтись без попыток специальных философских прояснений. Можно, к примеру, порекомендовать обратить внимание на недавнюю коллективную монографию, подготовленную группой украинских и российских философов, размышлявших о *мысли* и *мышлении* [3].

Если же попытаться прояснить смысл термина *лингвоэстетика* с точки зрения человека, впервые познакомившегося с монографией, то в самом общем виде под лингвоэстетикой можно понимать своеобразное перетолковывание произведения искусства словами, но это вовсе не искусствоведческие культурные перепаковки, в которых язык оказывается началом пассивным, упрощающим. Это, скорее, перетолковывание – «оязыковление», такое освоение произведения искусства, которое глубинно изменяет самого человека и эти изменения обнаруживают себя в языке, в способах говорения об искусстве, само говорение становится творчеством.

Лингвоэстетика – это терминологический гибрид, а бытие гибрида - это определенное доминирование *становящегося* над *ставшим*, ибо элементы гибридной пары непрерывно иницируют друг друга ко взаимоиизменениям. Вглядывание в гибрид – это всегда высматривание начала изменений. И в этом смысле весь текст «Лингвоэстетики» видится продуктом принципиально «процессуальным», что подчеркивают и сами авторы: «предмет нашего интереса вполне определен: это живой, текущий, естественный иконический эстетический дискурс» [2, с.306]. Однако в самом тексте эта постнеклассическая по своим интенциям заявка зачастую смещается на второй план, уступая место размышлениям о *метапоэтике*, что уже больше соответствует установкам классической парадигмы: «лингвоэстетику мы полагаем как своего рода метапоэтику языка и одновременно самой лингвистики» [2, с.305]. Лингвоэстетика видится авторами уже как некая надстройка над лингвистикой и эстетикой, а сам подход обретает достаточно механические черты. Хотя, справедливости ради следует заметить, что представленные в книге размышления по поводу метаязыка чрезвычайно интересны [2, с. 99]. В них находится место чрезвычайно интересным

и продуктивным терминологическим новообразованиям: *квазиязыковым конструктам*, *метаязыковой креативности*, *референциальной конфликтности*. Метапоэтика увязывается с теорией аутопоэзиса, метаязык рассматривается как «способ реализации метасемиозиса», когда «язык специально искусственно создается для рассуждения о каком-либо другом языке или же для его описания» [2, с.96-97]. И, все же, многочисленные *метаобращения* (*метапоэтика*, *метаязык*, *метасемиотика*) можно рассматривать как попытки перефокусировок взгляда исследователей в некие искусственные *метапланы*, однако эффективность подобных перефокусировок еще следует доказывать.

Таким образом, новый лингвогибрид не дает возможности так легко, как хотелось бы, освободиться от старых «установочных привидений», направленных на метаконструирование. И, тем не менее, введение термина лингвоэстетика видится весьма полезным шагом в предчувствии прорыва к чему-то действительно принципиально новому.

Появление многих лингвогибридов, с точки зрения авторов, связано с актуализациями *внутренних форм*. Внутренняя форма – это, фактически, изначально для любых внешних изменений. Но проблема заключается в том, что эта форма глубоко индивидуальна и для ее считывания все внешние формоконструкторы кажутся грубыми и неточными. Авторы приводят точку зрения А. Белого, согласно которой внутреннюю форму характеризуют «текучесть», «переменность», «неповторяемость в различных индивидуумах» [2, с.133]. Процессы экстерииоризации внутренней формы оказываются мучительны, ибо существующие слова, словосочетания, конструкции кажутся не соответствующими тому внутреннему *иному*, которое стремится быть выплеснутым вовне, но не может это осуществить по причине отсутствия необходимых слов.

Внутренние формы активируются, к примеру, в результате лингвоэстетических практик, в ходе которых происходит вербальное освоение того или иного произведения искусства. В ходе подобных освоений деформируется сам язык, предоставляя человеку новые, необычные лингвоконструкции, которые могут быть использованы для считывания форм внутренних. Многие из этих конструкций могут быть лингвогибридами, сложными терминологическими связками, которые не существуют в языке, а являют собой уникальные инновационные формообразования, возникшие под влиянием предчувствуемых внутренних форм и способствующие возникновению смысловых смещений. Вся книга «Сотворение знака...» буквально пропитана подобными терминологическими креативами.

Ракурс обнаружения новой парадигмальной установки

Появление монографии «Сотворение знака» видится первой ласточкой укоренения в русскоязычной среде достаточно новых парадигмальных веяний.

Если говорить об «идейном замесе», на котором взращивалось тело книги, то сами авторы неоднократно и подробно о нем говорят: это, во-первых, искусство русского авангарда начала XX века; во-вторых – семиотическая традиция, развивавшаяся Ю.С.Степановым и представителями его школы, и, конечно же, русская философия языка, связанная с творчеством А.А.Потебни, П.Флоренского, А.Белого, Г.Г.Шпета, А.Ф.Лосева и целого ряда других исследователей. Эта линия философии языка принципиально отлична от аналитической философии, которая получила широкую мировую известность и практически на целое столетие во многом предопределила одну из важнейших линий развития современного философского знания. Интересно то, что золотоносная жила русской лингвофилософской мысли могла быть по достоинству оценена только с приходом новых времен, наступивших после переваривания постструктуралистских идейных новаций. В рассматриваемом тексте нет прямых подробных обращений к работам французских интеллектуалов последней трети XX века, но, тем не менее, настойчиво складывается ощущение, что читателям представлен какой-то новый вариант развития темы *аструктуральности*. В книге отсутствуют прямые перепевы идей Ж.Деррида или Ж.Делеза, здесь, скорее, как в джазе - есть попытка разработки схожего мотива, но совершенно иными средствами и с помощью других инструментов. Постструктурализм Фещенко-Коваля это

вовсе и не постструктурализм, а *лингвоэстетика* и в этом, пожалуй, и заключается ключевой момент парадигмального значения.

Благодаря термину лингвоэстетика происходит, на первый взгляд, неожиданный «оживляющий укол» термина *человекомерность*, введенного В.С.Степиным. Сколько страниц знаменитой серии книг «Синергетическая парадигма» было посвящено обсуждению этого конструкта, однако от всех этих размышлений о классической, неклассической, постнеклассической рациональности возникало ощущение некоторого рационального тупика. И, быть может, главная проблема заключалась в том, что философы науки, изучавшие сложность, постепенно сами лишили себя *человеческого языка*; записанное и проговоренное слово перестало быть искусством, новацией, превратилось в набор трафаретных конструктов, только лишь симулирующих реальность. Лишенное своего эстетического измерения, слово перестало быть *словом человеческим* – «заумным», «игровым», «звонящим». Огромная толща «изношенных слов», соединенных в легко узнаваемые конструкции, нависла над научными журналами, монографиями, учебниками как некое нечеловеческое марево, выдающее себя за сложность. Но, сложность ли это? И возможна ли *человекомерность* вне мерности *эстетической*? Без вскрытия эстетического измерения *homo aestheticus* все человекомерные мотивы очень оборачиваются симулякрами.

Главные парадигмальные подвижки, которые отчетливо обнаруживаются благодаря анализу исследовательских позиций авторов, видятся связанными со сдвигом в направлении *эстетизации* и *поэтизации* рациональности, ведущих к проявлению *гуманитарной сложности*.

Как уже было отмечено, вся монография пропитана духом постнеклассики, явными отсылками к постнеклассическим моделям. К примеру, знаковая система у авторов – «самовозгорается» [2, с.91], что явно ведет к мысли об эмерджентных эффектах. Да и сами практики написания текста совершенно очевидно обращены в сторону *хаотизации*, увеличения сложности, в которой утомленное взаимодействиями с симулякрами Я погружается в пучину лингвистической креативности, давая волю практикам «self creation», позволяющим создавать «личные творческие коды» [2, с.199], *креотемы*. Креативен и стиль монографии, он – гибриден. С одной стороны, это тексты, написанные В.В.Фещенко, стилистически напоминающие формат интересных, качественно подготовленных энциклопедических статей, с другой – тексты О.В.Коваля, полные самых неожиданных метафор, непривычных терминологических связок, накатывающих друг на друга и образующих некие гибридные непрерывно изменяющиеся автоформатирующиеся конгломераты. Складывается даже ощущение, что привычный язык буквально «трещит» под напором обращений к тем или иным художественным образам. Но в этом словесном бурлении очень ясно обнаруживается некая фундаментальная парадигмальная подвижка, которую авторы сами никак не называют, но которая может быть именована, как обращение к *гуманитарной сложности*.

Ракурс гуманитарной сложности

Тема сложности глубоко пронизывает весь текст исследования. Как отмечают сами авторы, «Рисующие руки» Морица Эшера являются своеобразным кодом, сопрягающим *лингвоэстетику* и современные теории сложного. В книге можно найти размышления об автопоэзисе [2, с.92-94], *блуждающих* и *странных аттракторах* [2, с.84-90], *синергетической семиотике* [2, с.90-91]. Все эти обращения в сторону сложного вовсе не кажутся банальной данью моде. В тексте трепетно наследуются гумбольдтовские представления о языке, заданные знаменитой формулой ««Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)» [2, с. 112]. Деятельность в языке – это языкотворческие прорывы, порождаемые отдельным человеком и закрепляемые в становящемся лингвальном целом. В терминах эмерджентных проявлений языка авторы рассматривают возникновение *карначомпов* (слово, придуманное от сочетания имен Р. Карнапа и Н. Чомского, предложивших «образные языковые образования с морфологически насыщенной, но экстенционально нулевой информацией» (подобно «Глокая куздра...» Л.Щербы)[2, с.310].

Существование подобных языковых новаций, на первый взгляд, кажется абсолютно бесполезным по причине своей бессмысленности. Однако, и с этим сложно не согласиться, случайно возникающие языковые формы *сокрывают* или, наоборот, – обнаруживают эмерджентные потенции спонтанно возникающих языковых форм [2, с.310]. Эти формы актуализируют возможности *глубинной семиотики* (представления о глубинной семиотике оказываются как-то удивительно созвучны представлениями Эрвина Ласло об *интенсивной эволюции*, которую он противопоставляет эволюции *экстенсивной*. Именно размышления об интенсивной эволюции позволяют осуществить различие *традиционной сложности* и *сложности гуманитарной* (см., к примеру [1]).

Гуманитарная сложность – это не экстенсивная сложность, которая может быть получена в результате бесконечного повторения одного и того же, перепеваемого механическими голосами. Гуманитарную сложность не следует понимать как смешение лингвистики, эстетики, семиотики, культурологии и других гуманитарных ингредиентов. Гуманитарная сложность возникает, скорее, как результат «разысканий» в опытах глубинной семиотики.

Словосочетание *гуманитарная сложность* настойчиво возникало в процессе переваривания текста монографии. И в самых общих чертах эту сложность можно прояснить следующими смыслами.

Гуманитарная сложность не может быть исчерпана словом *человекомерность*. Эта сложность обнаруживается как результат переживания человеком своей *планетарной включенности*, *космомерности*, или – *геокосмомерности* (см. по этому поводу более подробно [3, с.163-166]). Многие картины В.Кандинского кажутся иллюстрациями попыток поиска новых способов восприятия того, что открывается человеку, обретающему непривычные мерностные возможности, сонастраивающему *макро-* и *микрокосмические* начала. *Внутренние формы* «вспыхивают» в результате подобных сонастроек, планетарной и космической открытости.

Гуманитарная сложность – это практика *полихронии*, возможность одновременного пребывания в различных временных развертках. Авторы монографии, к примеру, говорят об искусстве авангарда, но при этом, как уже было отмечено выше, складывается ощущение присутствия в своеобразном хроногибриде: времена французского постструктурализма ощущаются не менее явственно, чем годы русского революционного авангарда. Если же учесть, что все размышления происходят в середине второго десятилетия XXI века, то обнаруживается еще более сложное временное сцепление.

Гуманитарная сложность – это освоение *многомерности слова*. В этой связи кажутся очень важными слова В.Хлебникова, которые были подхвачены авторами: «слово — пядь, слово — лен, слово — ткань» [2, с. 124]. Действительно, любое слово обладает целым рядом *ликов* или – *ипостасей*. Каждое слово может существовать в разных мерностях, и этот факт важно учитывать, в частности, в поисках «опытного языка авангарда» [2, с.95], языка, существующего в условиях культурной полилингвальности.

Гуманитарная сложность – это прорывы в спонтанные нарушения закона, которые можно обнаружить, к примеру, как результаты терминологической симультанности, открывающейся, к примеру, в процессах созерцания металингвистических ландшафтов. Подобная симультанность может оборачиваться абсурдом, бесполезностью, непонятностью, но эта игра завораживает и привлекает.

И, наконец, гуманитарная сложность – это неизбежное *сопричастие красоте*, дающее силы для того, чтобы пережить открытие столь пугающих в своей непривычности возможностей, а также преодолеть экстенсивную, иссушающую сложность.

Ракурс эстетизации

И, наконец, еще один ракурс, который кажется чрезвычайно важным при анализе монографии – ракурс *эстетизации*.

Об эстетизации можно говорить в нескольких смыслах. Во-первых, эстетизация – это культивирование *повышенной чувствительности* благодаря использованию особой

творческой манеры видения мира, обращения с окружающей действительностью и внутренней ментальной реальностью. Эта манера связана с развитием навыка развертывания ментальных пересекающихся пространств, формирующих дискурсивную разверстку семиотического процесса, который, как отмечают авторы, всегда множественен, потенциален, ибо «каждый элемент системы мновалентен, а связи между элементами внутри ... подвижны, многократны» [2, с.83].

Эстетизация во-вторых – это особая *эстетическая коммуникация*. Повышенная чувствительность – заразительна (и примером тому является сама обсуждаемая монография, которая буквально заряжает поэтическим и эстетическим оптимизмом). Эстетическая коммуникация связана с вовлечением в коммуникативный контент разнообразных предметов искусства, которые организуют некий автоэстетический процесс.

Эстетизация в – третьих – это ширящаяся *интермедиальность*, когда одна и та же мысль перетолковывается с помощью возможностей совершенно различных языков. В результате подобных перефокусировок происходит не только более глубокое распаковывание мысли, но и нарабатывается необходимое смысловое разнообразие, стимулирующее возникновение мыслей новых. Переключение языковых регистров – это обуздание силы языкового вавилонского смешения, позволяющей управлять возможностями языкового разнообразия.

Эстетизация в-четвертых – это искренняя открытость духу самой *эстетики*. И вот здесь формулы, предлагаемые авторами, кажутся излишне традиционными. Они видят эстетику как «концептуальное поле описания прекрасного» [2, с.143], как особую методологию исследования художественного текста и языка художественной литературы [2, с. 144]. Более того, авторы отмечают, что соответствующая методология вовсе не является тем, что необходимо создавать, а «имеет довольно древние корни и значительную традицию в истории гуманитарной мысли и филологических исследований» [2, с.144]. Со сказанным нелепо спорить, но, тем не менее, может ли эстетика оставаться в рамках своих прежних возможностей, если человек начинает осваивать *гуманитарную сложность*? Не ожидает ли всех очередной уже *эстетический поворот*, с существенным, принципиальным изменением всего эстетического инструментария? И не является ли появление термина *лингвоэстетика* знаком готовности языка переживать трансформирующие импульсы, исходящие от перепостигаемой эстетики?

Выводы. Все вышеизложенное дает основание для следующих обобщений.

1. Рассмотрение гуманитарной сложности в контексте лингвоэстетической концепции, развиваемой В.В.Фещенко и О.В.Ковалем, позволяет зафиксировать особый тип *лингвальной* гуманитарной сложности. Эта сложность формируется в рамках представлений о синергетической семиотике, язык рассматривается как становящееся целое, обнаруживающее всевозможные эмерджентные эффекты, к которым можно, к примеру, отнести возникновение «карначомпов» (термин Фещенко-Коваля).

Гуманитарная сложность проявляется в результате практик полихронии, понимаемых как одновременное пребывание в различных хронотопических развертках.

К возникновению гуманитарной сложности ведут ситуации культурной полилингвальности, терминологической симультанности, обнаруживающейся, к примеру, в процессах созерцания металингвистических ландшафтов.

И, наконец, гуманитарная сложность является результатом учета многомерности СЛОВА, с особой силой раскрывающейся в условиях повышенной эстетической напряженности.

2. Исследования гуманитарной сложности позволяют вести речь о возникновении значительных парадигмальных подвижек. Если постнеклассическая парадигма формировалась на основании изучения, в первую очередь, физических, химических, биологических сложных систем, что и предопределяло ее методологические особенности, то гуманитарная сложность связывается с креационными, трансформационными процессами, происходящими в языке, в отдельных словах. Видится, что терминологические конструкторы

гуманитарная сложность, лингвоэстетика являются одними из первых элементов нового парадигмального тезауруса, который только начинает себя обнаруживать.

Список литературы

1. Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Э. 8ассо; [пер. с англ. Ю. А. Данилова]. – М. : Тайдекс Ко, 2004. – 208 с.
2. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака. Очерки по лингвоэстетике и семиотике искусства. – М. : Языки славянских культур, 2014. – 640 с.
3. Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – 444 с.

References

1. *Laslo E. Makrosdvig (K ustoychivosti mira kursom peremen)* / E. Laso; [per. s angl. Yu. A. Danilova]. М. : Taydeks Ko, 2004. – 208 s.
2. *Feschenko V.V., Koval O.V. Sotvorenie znaka. Ocherki po lingvoestetike i semiotike iskusstva.* – М. : Yazyiki slavyanskih kultur, 2014. – 640 s.
3. *Filosofiya myishleniya : [sbornik statey]* / red.kol. L.N.Bogataya, I.S. Dobronravova, F.V.Lazarev; отв. Red. Bogataya L.N. – Odessa : Pечатnyi dom, 2013. – 444 s.